

УДК 811.511

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-1-69-77

**Вводные слова в ливвиковском наречии карельского языка:
семантика, этимология и функционирование**

Н. В. Патроева

*Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
nypatr@list.ru*

Т. В. Пашкова

*Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
tvpashkova05@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Представленная статья является комплексным исследованием вводных слов в ливвиковском наречии новописьменного карельского языка. В рамках данного исследования авторы обращаются к рассмотрению семантики, этимологии и функционированию модальных слов в новописьменном ливвиковском наречии карельского языка.

Цель: описать семантические группы и этимологию субъективно-модальных компонентов предложения, функционирующих в ливвиковском наречии карельского языка.

Материалы исследования: учебники и словари ливвиковского наречия новописьменного карельского языка.

Результаты и научная новизна. В статье предлагается функционально-семантическая классификация и этимологический анализ карельских вводно-модальных слов. В ливвиковском наречии карельского языка зафиксировано около 40 вводных элементов, собранных из карелоязычных новописьменных словарей. Полученные в процессе исследования словарных материалов по ливвиковскому наречию данные позволяют выделить 5 разрядов вводных слов по значению, из которых самым богатым по составу лексем оказался класс, предназначенный для выражения различной степени достоверности высказывания; остальные семантические подгруппы (выражающие ссылку на источник сообщения, призыв к собеседнику, логические связи в тексте, эмоциональное состояние говорящего) демонстрируют гораздо более скромный по количеству зафиксированных в словарях единиц сегмент поля субъективно-модальных коллокаций в ливвиковском наречии карельского языка. Этимологический анализ вводно-модальных слов показал, что парантезы, выражающие оценку говорящим своего высказывания, находятся в процессе своего становления, пополнения новыми лексемами; формирование вводно-модальной фразеологии во многом совершается путём синтаксической деривации как перехода знаменательных слов (имён и глаголов) в класс вводно-модальных. Научная новизна исследования заключается в том, что предложена семантическая классификация вводных конструкций ливвиковского наречия с опорой на данные новописьменных словарных источников, а также наблюдения в области этимологии вводно-модальных слов.

Ключевые слова: карельский язык, ливвиковское наречие, вводные слова, морфология, синтаксис, дискурсивные слова

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-000992, <https://rscf.ru/project/23-28-000992/>.

Для цитирования: Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Вводные слова в ливвиковском наречии карельского языка: семантика, этимология и функционирование // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 69–77.

**Parentetical words in the Livvik dialect of the Karelian language:
semantics, etymology, and functioning**

N.V. Patroeva

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
nypatr@list.ru*

T.V. Pashkova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
tvpashkova05@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the presented article is a comprehensive study of parenthetical words in the Livvik dialect of the newly written Karelian language. Within the framework of the study, the authors turn to the consideration of semantics, etymology and functioning of modal words in the newly written Livvik dialect of the Karelian language.

Objective: to study the semantic groups and etymology of the subjective modal components of a sentence functioning in the Livvik dialect of the Karelian language.

Research materials: textbooks and dictionaries of the Livvik dialect of the newly written Karelian language.

Results and novelty of the research: the article proposes a functional and semantic classification and etymological analysis of Karelian parenthetical modal words. In the Livvik dialect of the Karelian language about 40 parenthetical elements collected in newly written Karelian dictionaries are recorded. The data obtained in the process of studying dictionary materials on the Livvik dialect make it possible to distinguish 5 categories of parenthetical words by their meaning, of which the richest in composition of lexemes is the class intended to express varying degrees of reliability of a statement; other semantic subgroups (expressing a link to the source of a message, a call to an interlocutor, logical connections in a text, the emotional state of a speaker) demonstrate a much more modest segment of the field of subjective-modal collocations in the Livvik dialect of the Karelian language in terms of the number of units recorded in the dictionaries. The etymological analysis of parenthetical modal words showed that parentheses expressing the speaker's assessment of his statement are in the process of their formation, replenishment with new lexemes; the formation of parenthetical modal phraseology is largely accomplished through syntactic derivation as the transition of notional words (names and verbs) into the class of parenthetical modal ones. The scientific novelty of the study lies in the fact that a semantic classification of parenthetical constructions of the Livvik dialect is proposed based on data from newly written dictionary sources, as well as observations in the field of etymology of parenthetical modal words.

Key words: Karelian language, Livvik dialect, parenthetical words, morphology, syntax, discourse words

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant № 23-28-000992, <https://rscf.ru/project/23-28-000992/>.

For citation: Patroeva N.V., Pashkova T.V. Parenthetical words in the Livvik dialect of the Karelian language: semantics, etymology, and functioning // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2024; 14 (1/56): 69–77.

Введение

К исследованию диалектов карельского языка языковеды приступили с конца 1930-х гг. В это время появляется первый вариант, предложенной Д. В. Бубрихом, нормированной карельской письменности на основе латинской графики и толмачевского говора тверского диалекта. В 1937 г. итогом Карельской лингвистической конференции стало решение о создании единого литературного карельского языка «на основе народного карельского языка в целом», а не на основе определённых наречий [4, 4]. Между тем вскоре, в 1939 г., в связи с преобразованием Карельской АССР в Карело-Финскую ССР карельский язык был изъят из программ обучения в школе и временно перестал быть объектом исследований в СССР [19, 30]. Полувековой период забвения карельского языка прервался в 1989 г., когда возродилась идея создания литературного карельского языка. В мае 1989 г. была проведена конференция, итогом которой стало решение о незамедлительном принятии мер по воссозданию письменности на ливвиковском и собственно карельском наречиях карельского языка с использованием латинской графики [8, 22–24]. С этого времени начинается работа над созданием учебников, учебных пособий и словарей на карельском

языке. Становлению литературной нормы карельского языка способствовала и его востребованность в системе образования, научной деятельности, СМИ и культуре. К настоящему времени описаны многие фонетические и морфологические особенности карельского языка [8; 9; 10; 14; 20 и др.], между тем некоторые вопросы карельского синтаксиса, несмотря на некоторое оживление интереса финно-угроведов к нему в последние годы [12; 13], остаются до сих пор вне поля зрения лингвистов.

К таким требующим особого внимания аспектам, несомненно, следует отнести вводно-модальные слова: актуальность этой проблемы возрастает, помимо прочего, в связи с активизацией исследований в области коммуникативного синтаксиса, активной грамматики («грамматики говорящего»), дискурсивных практик, теории текста. Семантика и функционирование вводных слов изучались на материале ряда финно-угорских языков. Так, например, в 2003 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Средства выражения модальности в удмуртском языке», в которой впервые рассматривается категория модальности [7]. В 2007 г. была представлена к защите диссертация, посвящённая изучению модальных слов и словосочетаний в современном

марийском языке. В работе впервые рассматриваются их лексико-семантические разряды, словообразование и синтаксические функции [1]. В 2009 г. и 2018 г. опубликованы научные статьи о модальных словах и междометиях в хантыйском языке. А. Д. Каксин все модальные слова хантыйского языка относит к выражению значений необходимости, возможности и желательности [5; 6]. Дополняет исследование категории модальности в синтаксисе хантыйского языка также работа [17]. Вводные слова в финском языке подвергались неоднократно исследованию в различных научных изысканиях [18; 23].

На материале ливвиковского наречия карельского языка языковеды обращались к описанию вводных конструкций только спорадически. Так, в 1990 г. была издана единственная монография по синтаксису карельского языка [17], в которой автор предпринял первую попытку системного описания его синтаксического строя с опорой на диалектные зарисовки карелоязычной разговорной речи. В издании указываются типы синтаксических конструкций: предложений и словосочетаний трёх наречий карельского языка (ливвиковского, собственно карельского и людиковского). В отдельном параграфе «Вставные слова в предложении» В. П. Федотова раскрывает две функции вводных слов [17, 116]. В 2002 г. опубликовано учебное пособие по ливвиковскому наречию карельского языка, в котором модальным словам посвящён небольшой раздел [21]. Л. Ф. Маркианова предлагает пять функций вводных слов [21, 226–227].

Завершая краткий обзор работ, посвящённых классу субъективно-модальных слов в уралистике, представляется важным прибавить нормативное замечание грамматистов новейшего периода о том, что вводные слова на письме в карельском языке всегда выделяются запятыми с двух сторон [21, 226], – недавно появившаяся и содействующая закреплению пунктуационных норм младописьменного языка формулировка правила по пунктуации, которого мы не находим ещё в грамматических трудах, написанных на материале наречий

карельского языка в прошлом веке. С сожалением отмечаем, что составители словарей не всегда следуют этому правилу, существенно облегчающему выявление вводных компонентов в ливвиковских речевых образцах.

В качестве задач исследования определены следующие: собрать языковые единицы из опубликованных новописьменных словарных источников; сформировать семантические группы вводных компонентов на материале; определить происхождение вводно-модальных слов.

Материалы и методы

При проведении исследования использовалась обширная теоретическая и методологическая база по изучаемой проблеме в финно-угорских и русском языках [1; 5; 6; 7; 11; 18; 23]. Источниками научного изыскания послужили новописьменные словари и учебники ливвиковского наречия карельского языка [2; 3; 21] – единственные, к сожалению, на сегодняшний день источники по грамматике языка карелов-ливвиков.

Исследование проводилось с применением таких методов, как этимологический, семантический и лексикографический.

Результаты

Функционально-семантическая палитра вводных слов в ливвиковском наречии карельского языка

В карельском языке в синтаксических конструкциях часто используются парентезы (вставки¹) различного назначения и разнообразной структуры, предназначенные для выражения оценки говорящим своего либо чужого высказывания. Семантическая палитра вводных конструкций карельского языка ждёт ещё своего максимального полного представления, так как в имеющихся на сегодняшний день грамматических исследованиях упоминается с разной степенью подробности и полноты.

Так, В. П. Федотова выделяет только два разряда вводных слов в карельском языке:

1) указывающие на то, что высказанное не является суждением говорящего, – в этом случае,

¹ Термин «парентеза» в рамках данной работы используется в качестве родового понятия, объединяющего не только вводные конструкции, но и иные средства, демонстрирующие синтаксическую изоляцию элементов высказывания, выделенных паузами и предназначенных для диалогизации дискурса (обращений, скобочных вставных конструкций, присоединительных спонтанных прибавлений, начальных сегментов, задающих тему высказывания, и т. п.).

главным образом, используются глагольные по происхождению слова в функции вводных элементов (примеры автор приводит из собственно карельского и людиковского наречий [17, 116]);

2) выражающие отношение говорящего к высказанной мысли (напр., *Tämä, kačo, on hiemaitoi kumu* ‘Это, смотри, необычное (букв.: безрукавное) чудо’; *minun kuldoin boikoi briha, viксе, on bohatebaine* ‘мой золотой бойкий парень, по-видимому, побогаче’ [17, 116]).

В учебном пособии, опубликованном в 2002 г., представлена уже гораздо более широкий спектр значений вводно-модальных слов [21, 226–227], выражающих:

1) уверенность говорящего в том, о чём он сообщает (*varmah* ‘вероятно напр.: *tänpäi muö, varmah, emmo ehti kaččuo sidä fil'mua* ‘сегодня мы, пожалуй, не успеем посмотреть этот фильм’¹; *tiettävaine* ‘разумеется’, напр., *tiettävaine, muga pidäy ruadua* ‘разумеется, так нужно делать’.);

2) неуверенность (*voi olla* ‘возможно’, *voi sanuo* ‘возможно’, *ozutahes muga* ‘кажется’, *onnuako* ‘наверное’, *nähtävästi, nägyy* ‘видимо’ и др., напр.: *konsertua, voi olla, pietäh meijän školas* ‘концерт, возможно, проведут в нашей школе’; *kerähmöh tuldih, voi sanuo, enimät kyläläzet* ‘на собрание пришло, возможно, большинство деревенских жителей’; *ozutahes muga, illakse roih vihmu* ‘кажется, к вечеру начнётся дождь’; *pidäy, onnuako, heittä vuotandu* ‘нужно, наверное, заканчивать ждать’; *kalua, nähtävästi, tänpäi ei puutu* ‘рыба, видимо, сегодня не попадётся’; *lähten iäre, nägyy, ruaduo ei roi* ‘я пойду, видимо, работы не будет’);

3) различные чувства (*ozakse* ‘к счастью’, *hyväkse mielekse* ‘к счастью’ (букв.: ‘к хорошему настроению’), *pahakse mielekse* ‘к сожалению, к огорчению’ (букв.: ‘к плохому настроению’) и др., напр.: *mečäs meile vastah puutui, ozakse, mečästai* ‘в лесу нам навстречу попался, к счастью, охотник’; *kai lapset perehinneh tuldih, hyväkse mielekse, lomale kodih* ‘все дети со своими семьями приехали, к счастью, на каникулы домой’; *net kohtat, pahakse mielekse, jäidih kaččomattah* ‘эти места, к сожалению, остались неосмотренными);

4) способ оформления мысли (*toizin sanojen* ‘иначе говоря’, *pehmieh sanojen* ‘мягко говоря’, *kohti paisten* ‘прямо говоря’, *kui sanotah* ‘как говорят’ и др., напр.: *toizin sanojen, tämä ei ole helpo ruado* ‘иначе говоря, это не лёгкая работа’; *sinä viet iččiedäs, pehmieh sanojen, et ihan hyvin* ‘ты ведёшь себя, мягко говоря, не очень хорошо’; *kohti paisten, sinä jo ammussah olet tiä liigu* ‘прямо говоря, ты уже давно здесь лишний’; *suures ruavos, kui sanotah, suuret passibotgi* ‘за большую работу, как говорят, и большое спасибо’);

5) следствие (напр., *enzimäzekse* ‘во-первых’, *toizekse* ‘во-вторых’, *kolmandekse* ‘в-третьих’ и др. *enzimäzekse, nämä hommat ei kuuluta sinule* ‘во-первых, эти заботы не касаются тебя’; *toizekse, ole hillembäh* ‘во-вторых, будь потише’; *kolmandekse, pyzy loitomba meis* ‘в-третьих, держись подальше от нас’).

В отношении последнего разряда заметим, что наименование группы не совсем точно отражает функциональное предназначение и тип синтаксического значения, присущий вводным элементам типа *enzimäzekse* ‘во-первых’, *toizekse* ‘во-вторых’, *kolmandekse* ‘в-третьих’ и т. п. Данные вводные слова, очевидно, имеют отношение не к подчёркиванию «следствия» (результата), а к ранжированию высказываний-аргументов, доводов в системе текста.

Приведённые примеры типологизации вводных слов в грамматиках и синтаксических исследованиях карельского языка свидетельствуют об актуальности задачи семантического описания и интерпретации значений парантетических элементов, не получивших пока строгой и подробной характеристики с точки зрения функционального спектра и предназначения в дискурсивной практике носителей ливвиковского наречия. Семантическая классификация вводных компонентов, зафиксированных новописьменными источниками по ливвиковскому наречию карельского языка, на наш взгляд, может быть представлена в следующем виде:

1) подчёркивающие различную степень уверенности / неуверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации (в этой группе, судя по словарным материалам,

¹ Очевидно, отнесение модального компонента *varmah* ‘вероятно, пожалуй’ к данной подгруппе нуждается в обосновании: значение вероятности принадлежит сфере гипотетичности, предположительности в гамме субъективно-модальных смыслов, а потому *varmah* должно быть отнесено ко второй группе – вводных слов, выражающих неуверенность говорящего в том, о чём он сообщает.

преобладают парантезы со значением гипотетичности, предположительности, как и в русском языке, например): *tiettäväine / tiettävästi* 'конечно, разумеется' *tiettäväine, kerras lähtin iäre minä* 'конечно, я сразу ушёл' [3, 242]; *ihan tottu / toven / todeh* 'в самом деле, действительно' *kunnebo toven (todeh) kavottih minun alazet?* 'куда же, в самом деле, потерялись мои варежки'; *ihan tottu (toven) minul on huigei* 'действительно, мне так стыдно' [3, 252]; *onnuako* 'вероятно, наверное; кажется' *ga työ onnuako ni tiijä etto* 'да вы, вероятно, и не знаете' [3, 230]; *hyö, onnuako, ollah lomal* 'они, кажется, в отпуске' [3, 124]; *varmah, arvaten* 'вероятно (в знач. вводн. слова)' *häi, varmah, on jo kois* 'он, вероятно, уже дома', *tänäpäi, arvaten, roih hyvä siä* 'сегодня, вероятно, будет хорошая погода' [3, 41]; *voi olla, toinah* 'возможно' *voi olla, minul roih (pidäy) ajua iäre* 'возможно, мне придётся уехать', *toinah häi tulou illal* 'возможно, он придёт вечером' [3, 51]; *vikse* 'видно (в знач. вводн. слова)' *vikse häi voimatui* 'видно, он заболел' [3, 45].

2) выражающие различные эмоциональные реакции говорящего, связанные с сообщаемым: (*ozakse* 'к счастью', *hyväkse mielekse* 'к счастью' (букв.: к хорошему настроению), *pahakse mielekse* 'к сожалению, к огорчению' (букв.: к плохому настроению) и др., напр.: *Ozakse tulipalo tupehtui* 'К счастью, пожар потух' [2, 298].

3) устанавливающие порядок мыслей в системе дискурса, способствующие внутритекстовой когезии (логический сегмент субъективно-модального поля): *ga sit* 'так, следовательно, значит, стало быть' *ga sit sinä olet naizis!* 'стало быть ты женат!' [3, 343], *tulet paletah, ga sit hyö vie ei muata* 'свет горит, следовательно, они не спят' [3, 320], *kaiken piäle* 'кроме всего прочего' *kaiken piäle vie voimattomus ližävyi (rodih ližäkse)* 'кроме всего прочего прибавилась ещё болезнь' [3, 258]; *enzimäzekse, mina olin ruavos, a toizekse, tahtozin huogavuo* 'во-первых, я был на работе, а, во-вторых, я хотел бы отдохнуть' [2, 291].

4) оценивающие способ, манеру оформления высказывания самим субъектом речи: *oigieh sanojen* 'говоря откровенно', *tottu paisten* 'правду говоря' *oigieh sanojen, se ei olluh muga* 'говоря откровенно, это было не так'; *tottu paisten, minä iče olen viäry* 'если сказать правду, я сам виноват' [3, 262]; *toizin sanojen, tämä ei ole helpo ruado* 'иначе говоря, это не лёгкая работа'; *sinä viet iččiedäs, pehmieh sanojen, et ihan*

hyvin 'ты ведёшь себя, мягко говоря, не очень хорошо'.

5) содержащие ссылку на источник сообщения (говорящий, адресат, третье лицо, неопределённый субъект): *minus näh* 'на мой взгляд, по мне' *minus näh kai on hyvin* 'на мой взгляд, всё хорошо', *minus näh hot tule libo älä* 'по мне хоть приходи, хоть нет' [2, 188]; *la* 'мол' *minä, la, sidä en tiedänyh* 'я, мол, этого не знал' [3, 159].

В ливвиковском наречии словарями зафиксированы многозначные вводно-модальные элементы, которые могут быть отнесены к разным разрядам по значению, например, лексема *yhtelläh* 'всё же, однако, всё-таки; по крайней мере': в высказывании *voit, yhtelläh opitella* 'можешь, по крайней мере, попытаться' [2, 344], вводный элемент выражает субъективно-модальное значение, выражая достаточно высокую степень уверенности говорящего в правильности, полезности своего совета; в контексте *myöhembä yhtelläh tuli* 'позже, однако, пришёл' [3, 192] значение близко к 'напротив, наоборот', поэтому здесь вводный компонент участвует в выражении внутритекстовой когезии и уподобляется союзу – ср. с употреблением, также сближающим вводный элемент с коннектором-релятом подчинительной конструкции в значении 'хотя': *hos* 'правда' *aigomukset, hos vie loittozetgi, lämmitettih syväindy* 'предположения, правда ещё далёкие, согревали душу' [3, 251].

Вполне вероятно, что функционально-семантический спектр вводных слов в ливвиковском наречии может оказаться гораздо шире, если в будущем привлечь к описанию образцы карельской диалектной речи. Так, ещё, по крайней мере, две семантических группы вводных компонентов, в диалектных словарях карельского языка хотя и не выделяются в качестве лексико-семантических вариантов, возглавляющих подразделы словарных статей, посвящённых переносному употреблению глаголов, наречий, возглавляющих соответствующие вокабулы, но встречаются в иллюстрациях, посвящённых иным лексемам. Это парантетические элементы, служащие для привлечения внимания собеседника, адресации речи: *kačo* 'видишь' *nälgyvuvvel kačo sammaldu söimmö dai durandua söimmö* 'в голодный год, видишь, [мы] ели мох да и дуранду ели' [15, 44]; *sit kačo joga sanale on ei himoita ni korvis kuulta* 'у него, видишь, на каждом слове мат, неохота и слушать его' [15, 203];

tijät ‘знаешь’ *akku sit, tiiät, nedälin sriäppih, tuga vuottau gos t’ua* ‘жена тут, знаешь, неделю стряпается, так ждёт гостя’ [15, 344], – а также подчёркивающие степень обычности происходящего, случившегося: *harvazeh* ‘бывает’, напр., *sovus ekäjätgi harvazeh račkahtetaheze* ‘и дружно живущие, бывает, иногда повздорят’ [15, 296].

Поскольку семантика вводных слов оказывается нередко размытой, диффузной, то представляется правомерным отнесение всех выделенных групп по значению к полю субъективной модальности в системе карельского языка, формируемому, помимо парентез, целым рядом других дискурсивных элементов (междометий, модальных союзов, частиц и пр. коннекторов).

Этимологический анализ модальных слов

Как показывают наблюдения над происхождением вводных слов в карельском языке, выступающие в качестве парентез лексемы являются результатом морфолого-синтаксической транспозиции (трансформации исходных грамматических свойств слова) в результате использования слова в роли вводного элемента. Подобные формально выраженные или формально не выраженные процессы изменения грамматических свойств и функций лексемы иногда именуют синтаксической «деривацией» во «вторичном употреблении» [11, 42].

Вводные слова ливвиковского наречия карельского языка по преимуществу являются результатом синтаксической деривации, а не заимствования из других родственных и неродственных языков, будучи мотивированными глаголами и (гораздо реже) именами либо местоимениями.

Выражения *oigieh sanojen* ‘говоря откровенно (букв.: прямо говоря)’ *toizin sanojen* ‘иначе говоря’, *pehmieh sanojen* ‘мягко говоря’, *kohti paisten* ‘прямо говоря’, *arvaten* ‘вероятно’ и *tottu paisten* ‘если сказать правду (букв.: правду говоря)’ содержат глаголы *saniuo* ‘сказать, говорить’, *arvata* ‘разгадывать, отгадывать; предугадывать’ и *paista* ‘говорить’ в форме второго инфинитива в падеже инструктив.

Вводные слова *voi olla* ‘возможно (букв.: может быть)’, *voi saniuo* ‘возможно (букв.: может сказать)’, *ozutahes tuga* ‘кажется (букв.: кажется так)’, *näguu* ‘видимо’, *kui sanotah* ‘как говорят’, *kačo* ‘видишь (букв.: смотри!)’, *tijät* ‘знаешь (букв.: ты знаешь)’ являются глагольными формами.

Девербативами являются леммы *tiettäväine / tiettävästi* ‘конечно, разумеется’, образованные от глагола *tiediä* ‘знать’; *nähtävästi* ‘видимо’ от глагола *nähtä* ‘видеть’.

Выскажем предположение, что модальное слово *la* ‘мол’ возможно сопоставить с глаголом *блажнить* ‘лгать, говорить неправду’ [12, 264].

Образованными от имени существительного вводными словами определяются следующие лексемы:

– *ihan tottu* ‘в самом деле, действительно’ (букв.: ‘прямо правда’), *toven* ‘в самом деле, действительно’ (букв.: ‘правду’), *todeh* ‘в самом деле, действительно’ (букв.: ‘в правду’) (происходят от имени существительного *tozi* ‘правда’);

– *ozakse* ‘к счастью’ (происходит от имени существительного *oza* ‘счастье’ в падеже транслатив).

Именной парой имя прилагательное + имя существительное в падеже транслатив представлены модальные слова *huväkse mielekse* ‘к счастью’ (*huvä* ‘хороший’ + *mieli* ‘настроение, ум’), *pahakse mielekse* ‘к сожалению’ (*paha* ‘плохой’ + *mieli* ‘настроение, ум’).

От количественного числительного *yksi* ‘один’ образовано именование *yhtelläh* ‘всё же, однако, всё-таки; по крайней мере’ [22, 489]. Модальные слова *enzimäzекse* ‘во-первых’, *toizekse* ‘во-вторых’, *kolmandekse* ‘в-третьих’ происходят от порядковых числительных *enzimäine* ‘первый’, *toine* ‘второй’, *kolmas* ‘третий’ в падеже транслатив. Можно предположить, что от порядкового числительного *toine* ‘второй’ происходит модальное слово *toinah* ‘возможно’.

Посредством лексикализации местоимений образовано модальные компоненты *kaiken piäle* ‘кроме всего прочего’ (букв.: ‘всего сверх’), *minus näh* ‘на мой взгляд, по мне’ (букв.: личное местоимение *minä* в форме падежа эллатив + послелог *näh* ‘для, об, обо’).

Вводное слово *harvazeh* ‘бывает (букв.: ‘изредка)’ является наречием.

К заимствованным из русского языка вводным словам следует отнести *hos* ‘правда, хотя’ от рус. ‘хоть’, *onnuako* ‘вероятно, наверное’ от рус. ‘однако’.

Лемма *varmah* ‘вероятно’ закрепились в карельском языке посредством финского языка (ср. фин. *varma*), где является древним германским заимствованием (ср. герм. < **frama*-(z) ‘*tungetteleva, esiin pistävä*’ [22, 411].

Обсуждение и заключение

Подводя итоги проведенного анализа вводных слов ливвиковского наречия карельского языка, отметим, что по структуре вводные конструкции максимально лаконичны, в большинстве своём будучи выраженными одной лексемой (всего в словарях ливвиковского наречия новописьменного карельского языка извлечено методом сплошной выборки 20 лексем), гораздо реже – с двумя или тремя элементами (например, 14) в составе парантезы, которая входит в фонд устойчивых образований (коллокаций) языка, в готовом виде извлекается его носителями из памяти в процессе формирования высказывания.

Семантический спектр вводных слов в ливвиковском наречии карельского языка демонстрирует достаточно широкие возможности для функционально разнообразного использования его в качестве средства авторизации, адресации, интимизации дискурса, выражения целой гаммы субъективно-модальных значений. В качестве разрядов, представленных группами вводно-модальных элементов, в ливвиковском наречии предстают 5 микрополей: уверенности / неуверенности говорящего в содержании собственного высказывания, эмоциональной оценки, оценки способа выражения мысли, а также впервые выделенные авторами данной работы в качестве отдельных групп на ливвиковском материале вводные элементы, содержащие ссылку на источник сообщения и подчёркивающие логические связи в тексте. Среди этих разрядов вводных слов по значению особенно активно пополнялся новыми лексемами класс

с семантикой достоверности / недостоверности сообщаемого.

Парантезы употребляются в качестве аналитических (грамматически изолированных) элементов предложения и являются результатом трансформации морфолого-синтаксических свойств знаменательных частей речи, получающих во вторичном (вводном) употреблении иные значения и демонстрирующих неизменяемость по лицам, числам, временам, падежам и др. категориям, то есть утрату прежней морфологической парадигмы и исходных валентностных свойств. Этимологический анализ субъективно-модальных компонентов свидетельствует о том, что большинство из них (17 лемм) восходят к глагольным формам, не более 10 – к именам существительным, адъективно-субстантивным сочетаниям, числительным и местоимениям. Только одно мотивировано наречием. Заимствованный характер носят *varmah*, *hos* и *onnuako*.

Рост категории вводности в системе агглютинативного по своему грамматическому типу карельского языка демонстрирует нарастание элементов аналитизма в его строе с течением времени и расширение сферы субъективной модальности в сфере семантики.

Важным представляется получение новых данных в области вводного употребления лексем в устной диалектной речи ливвиков, а также на материале других наречий карельского языка, близкородственных вепсского и финского языков, исследование вводно-модальных в историческом (диахроническом) и сопоставительном (сравнение с русским синтаксическим строем) аспектах.

Список сокращений

герм. – германские языки, рус. – русский язык, фин. – финский язык.

Список источников и литературы

1. Анисимова О. В. Модальные слова и словосочетания в современном марийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2007. 22 с.
2. Бойко Т. П. Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Периодика, 2016. 352 с.
3. Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Verso, 2011. 400 с.
4. Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (Фонетика, морфология). Петрозаводск: Издание Карельского Научно-Исследовательского Института Культуры, 1937. 138 с.
5. Каксин А. Д. К вопросу о системе модальных средств: частицы и именные слова (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Финно-угорский мир. 2018. № 4. С. 47–54.
6. Каксин А. Д. Модальные слова и междометия в хантыйском языке (сходство и различие) // Финно-угорский мир. 2009. № 2. С. 30–43.

7. Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2003. 23 с.
8. Ковалёва С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 138 с.
9. Новак И. П., Норманская Ю. В. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм // Урало-алтайские исследования. 2023. № 3. С. 56–96.
10. Новак И. П. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка Средней Карелии (на основе применения алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок) // Урало-алтайские исследования. 2022. № 2 (45). С. 79–105.
11. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. Москва: КомКнига, 2007. 296 с.
12. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Семантика и этимология частиц в тверском диалекте собственно карельского наречия карельского языка // Вестник угроведения, 2023. Т. 13, № 2 (53). С. 256–266.
13. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Система междометий в людиковском наречии карельского языка: опыт классификации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 81–92.
14. Пашкова Т. В., Родионова А. П. «Быть» или «Не быть» потенциалу в карельском языке? (на материале ливвиковского и людиковского наречий карельского языка) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 3. С. 397–404.
15. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
16. Соловар В. Н., Черемисина М. И. Модальные компоненты хантыйского предложения // *Linguistica Uralica*. 1998. № 1. С. 15–21.
17. Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 157 с.
18. Ivaska I. Mahdollisuuden ilmaiseminen S1-suomea ja edistynyttä S2-suomea erottavana piirteinä // *Lähivördlusi. Lähivertailuja*. 2014. № 24. Pp. 47–80.
19. Karelisan Grammars: a study of phonetic and morphological variation: scientific electronic edition / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p.
20. Krizhanovskaya, N., Novak, I., Krizhanovsky, A., Pellinen, N. Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs // *Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2022. № 13 (2). Pp. 47–78.
21. Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 296 p.
22. Suomen sanojen alkuperä / Päätoim. E. Itkonen, U-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 2000. Vol. III. 503 p.
23. Vilku M., Korhonen R., Koivisto V. Iso suomen kielioppi. Helsinki: SKS, 2004. 1968 p.

References

1. Anisimova O.V. *Modal'nyye slova i slovosochetaniya v sovremennom mariyskom yazyke*. [Modal words and phrases in the modern Mari language]. Yoshkar-Ola, 2007. 22 p. (In Russian)
2. Boyko T. P. *Bol'shoy karel'sko-russkiy slovar' (livvikovskoye narechiye)* [Large Karelian-Russian dictionary (Livvik dialect)]. Petrozavodsk: Periodicals Publ., 2016. 352 p. (In Russian, Karelian)
3. Boyko T. P., Markianova L. F. *Bol'shoy russko-karel'skiy slovar' (livvikovskoye narechiye)* [Large Russian-Karelian dictionary (Livvik dialect)]. Petrozavodsk: Verso Publ., 2011. 400 p. (In Russian, Karelian)
4. Bubrikh D. V. *Grammatika karel'skogo yazyka (Fonetika, morfologiya)* [Grammar of the Karelian language (Phonetics, morphology)]. Petrozavodsk: Izdanie Karel'skogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta Kul'tury Publ., 1937. 138 p. (In Russian, Karelian)
5. Kaksin A. D. *K voprosu o sisteme modal'nykh sredstv: chastitsy i imennyye slova (na materiale kazym'skogo dialekta khantyyskogo yazyka)* [To the issue of the system of modal means: particles and nominal words (on the material of the Kazym dialect of the Khanty language)]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2018, no. 4, pp. 47–54. (In Russian)
6. Kaksin A. D. *Modal'nyye slova i mezhdometiya v khantyyskom yazyke (skhodstvo i razlichie)* [Modal words and interjections in the Khanty language (similarity and difference)]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2009, no. 2, pp. 30–43. (In Russian)
7. Kibardina T. M. *Sredstva vyrazheniya modal'nosti v udmurtskom yazyke* [Means of expression of the modality in the Udmurt language]. Izhevsk, 2003. 23 p. (In Russian)
8. Kovaleva S. V., Rodionova A. P. *Traditsionnoye i novoye v leksike i grammatike karel'skogo yazyka (po dannym sotsiolingvisticheskogo issledovaniya)* [The traditional and new in the vocabulary and grammar of the Karelian language (according to sociolinguistic research)]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy centr RAN Publ., 2011. 138 p. (In Russian)
9. Novak I. P., Normanskaya Yu. V. *Opredeleniye regulyarnykh foneticheskikh sootvetstviy karel'skoy dialektnoy rechi. Vokalizm* [Determination of regular phonetic correspondence of Karelian dialectic speech. Vocalism]. *Uralo-altayskiye issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2023, no. 3, pp. 56–96. (In Russian)
10. Novak I. P. *Raspredeleniye peredneyazychnykh shchelevykh soglasnykh v govorakh karel'skogo yazyka Sredney Karelii (na osnove primeneniya algoritma "analiz kognatov" lingvisticheskoy platformy LingvoDok)* [Distribution of frontlingual fricative consonants in dialects of the Karelian language of Central Karelia (based on the application of the "cognate

- analysis” algorithm of the LingvoDoc linguistic platform)]. *Uralo-altayskiye issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2022, no. 2 (45), pp. 79–105. (In Russian)
11. Paducheva Ye. V. *O semantike sintaksisa: materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka* [About the semantics of syntax: materials to the transformational grammar of the Russian language]. Moscow: KomKniga Publ., 2007. 296 p. (In Russian)
12. Patroeva N. V. Pashkova T. V. *Semantika i etimologiya chastits v tverskom dialekte sobstvenno karel'skogo narechiya karel'skogo yazyka* [Semantics and etymology of particles in the Tver dialect of the proper Karelian dialect of the Karelian language]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (2/53), pp. 256–265. (In Russian)
13. Patroeva N. V., Pashkova T. V. *Sistema mezhdometiy v lyudikovskom narechii karel'skogo yazyka: opyt klassifikatsii* [System of interjections in the Lyudik dialect of the Karelian language: classification experience]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology], 2023, no. 6, pp. 81–92. (In Russian)
14. Pashkova T. V., Rodionova A. P. “Byt” ili “Ne byt” potentsialu v karel'skom yazyke? (na materiale livvikovskogo i lyudikovskogo narechii karel'skogo yazyka) [Potential in the Karelian language: “to be” or “not to be”? (based on the material of the Livvik and Lyudik dialects of the Karelian language)]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022, no. 16 (3), pp. 397–404. (In Russian)
15. *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvik dialect)]. Comp. G. N. Makarov. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Russian, Karelian)
16. Solovar V. N., Cheremisina M. I. *Modal'nyye komponenty khantyyskogo predlozheniya* [Modal components of a Khanty sentence]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 1998, no. 1, pp. 15–21. (In Russian)
17. Fedotova V. P. *Ocherk sintaksisa karel'skogo yazyka* [Essay on the syntax of the Karelian language]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 157 p. (In Russian, Karelian)
18. Ivaska I. Mahdollisuuden ilmaiseminen S1-suomea ja edistynyttä S2-suomea erottavana piirteenä. *Lähivõrdlusi. Lähivertailuja*, 2014, no. 24, pp. 47–80. (In Finnish)
19. *Karelian in Grammars: a study of phonetic and morphological variation: scientific electronic edition*. Comp. I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2022. 452 p. (In English, Karelian)
20. Krizhanovskaya, N., Novak, I., Krizhanovsky, A., Pellinen, N. Morphological inflectional rules for Karelian Proper verbs. *Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 2022, no. 13 (2), pp. 47–78. (In English)
21. Markianova L. *Karjalan kielioppi*. Petroskoi: Periodika Publ., 2002. 296 p. (In Karelian)
22. *Suomen sanojen alkuperä*. Päätoim. E. Itkonen, U-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 2000. Vol. III. 503 p. (In Finnish)
23. Vilku M., Korhonen R., Koivisto V. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: SKS, 2004. 1968 p. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Патроева Наталья Викторовна, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор филологических наук.

nvpatr@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

Пашкова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор исторических наук.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0505-4767

ABOUT THE AUTHORS

Patroeva Natalya Viktorovna, Chair of the Department of Russian Language, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenina Str., 33), Doctor of Philological Sciences.

nvpatr@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

Pashkova Tatyana Vladimirovna, Chair of the Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenina Str., 33), Doctor of Historical Sciences.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0505-4767